DOI: 10.24833/2541-8831-2018-2-6-81-95

«НЕ ПРОТИВЬТЕСЬ ЗЛОМУ ПРОНИКНУТЬ В ВАС...» (О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ: ТОЛСТОЙ, СОЛОВЬЁВ, ВОЛОШИН, ШТЕЙНЕР)

Т.А. Кошемчук

Аннотация. *В статье речь идёт о гнозисе зла в жизни и творчестве М. Волошина. Его позиция анализируется в связи с толстовским непротивлением злу как результатом его, непротивления, переосмыслением, и с критикой непротивления В.С. Соловьёвым. Волошинская позиция в этом вопросе определяется творческим развитием им концепции мировой истории Р. Штейнера. Личность этого учёного оказала определяющее влияние на выработку собственной позиции Волошина в годы революции как защиту человека от толпы, будь то красные или белые. В этой связи исследуется подход Волошина к человеку-носителю зла ради спасения жизней и как он отражён в его стихах, статьях и письмах.*

Деяния поэта основывались на его понимании зла в мировой истории как реальной, действующей в мире силы. Согласно Штейнеру, духи зла, изначально бывшие духами препятствий ради человеческого развития, в ходе истории в результате кармических закономерностей стали злом, и спасение зла лежит в поле ответственности человека. Отсюда волошинская основная мысль, вынесенная в заглавие статьи, – о приятии зла в себя и тем самым о превращении его в добро. Возможность этой трансформации определяется отсутствием онтологической пропасти между злом и добром, творчество человека тем самым оказывается в области претворения форм. Эта позиция Волошина и стала основой его жизненного дела в эпоху революции и террора – дела спасения человеческих жизней.

«Не противьтесь злому проникнуть в вас» – эта волошинская заповедь на весь дальнейший ход земной истории – звучит в соединении с мыслью о сжигающей любви: именно любовью, жгущим огнём духа, внутри души может быть сожжено то зло, которое человек призван взять в себя. В грехе и зле сокрыт непросветлённый огонь любви, и труд его просветления есть дело человека. «Где нет греха, там торжествует Дьявол» [Волошин, 2004а: 423]. В ином стихотворении: «И грех, и страсть – цветенье, а не зло» [Волошин, 2004а: 37]. В остро парадоксальной форме, вопреки обычному: где грех, там дьявол, даёт Волошин свой гнозис зла – изумительную истину: «...Во всём гореньи противоречий, / Несовместимых для человечьей / Стеснённой мысли» [Волошин, 2003: 235].

Ключевые слова. М. Волошин, добро и зло, Л. Толстой, В. Соловьев, Р. Штейнер, непротивление злу, борьба со злом, антропософия, русские революции, преображение зла, конфликты, компромиссы.

ЧАСТЬ 1: ГОДЫ 1900 – 1914.

Не противьтесь злому
Проникнуть в вас:
Всё зло вселенной должно,
В себя приняв,
Собой преобразить
[Волошин, 2004а: 36].

Эти строки Волошина из цикла «Путями Каина» звучат неожиданно в русском духовном пространстве: борьба со злом в себе – созерцание себя, обнаружение в себе злых помыслов и чувств, неподчинение им – эта дисциплина подробнейшим образом разработана в православной аскетике. Слова о *принятии в себя* зла предстают здесь как крайнее неразумие, ведь сил человека, с его удобопревратной ко злу природой, едва хватает, чтобы справиться и с малым грехом в себе, а подобное – приятие добавочного, *всего* зла – может привести к очевидной гибели. Этот модус восприятия был вполне очевиден для Волошина.

Но он говорит об ином и из иных оснований: его мысль должна быть прочитана в антропософском ключе. Ведь идея большого мыслителя точно воспринимается именно в том пространстве, из которого она рождается. И сказанное как будто одно и то же разными людьми означает не одно и то же. Вне порождающего пространства мысль теряет свой живой смысл, и несостоятельна искажающая критика, основанная на вырванном из духовного контекста фрагменте. Пониманию приведенной волошинской идеи в значительной степени посвящено дальнейшее: проблема зла и борьбы с ним в русском духовном поле более чем значительна, и точка зрения Волошина вносит в спектр позиций свою неповторимую и глубокую ноту.

Антропософская тема зла как порождающее пространство для волошинской мысли, при всей важности его для Волошина, воспринята им и развита в своеобразной личной огласовке, и прежде всего – внятно для русского слуха с отсылкой ко Льву Толстому: «А Я говорю вам: не противьтесь злому», – цитирует Толстой Евангелие от Матфея (5, 39), увидев в этих словах ключ ко всему христианскому *учению* и сделав их знаменем *учения* своего. Оно вспыхнуло из этих слов Нагорной проповеди. Для Толстого, поздние произведения которого высоко были оценены Р. Штейнером как наполненные импульсом Христа, эти слова Христа стали целым откровением, глубоко его поразившим. *Никогда* не противьтесь злу, – с этой акцентировкой многократно повторяет Толстой и продолжает мысль: …но *терпите его*, отвечайте на зло не злом, а добром, и зло превратится в добро.

Волошин же договаривает иное, и в одном слове снимает толстовскую мораль: не противьтесь злому – *проникнуть в вас*[1]... В результате этой изумительной поправки к толстовской мысли, внешнее запрещённое ею противление лично на меня направленному злу обращается в поволенное Человеком на его Каиновом пути внутреннее приятие зла ради его проживания в себе и тем самым его преображения и спасения. Толстовский абстрактный морализм не просто снят Волошиным («очень добродетели я не люблю» [Волошин, 2011: 348], – шутил он), но распахнут в гнозис и эзотеризм с захватывающими глубинами смыслов.

Читатель ощущает их как стоящие ЗА стихами и требующие проникновения – в суть слов ёмких и точных, которые должны быть постигаемы на волошинских же путях. То же и в целом о цикле «Путями Каина» – об этом сгущённом потоке, в котором выговариваются порой шокирующие, неслыханные мысли – вне разъяснений и доказательств, но как выверенные афоризмы, часто поражающие новизной. Они становятся темами для размышлений и упражнениями для комментаторских усилий литературоведов, собирающих целые компендиумы созвучных идей иных мыслителей ради

[1] Т.А. Кошемчук выделяет курсивом здесь и далее главные концептуальные волошинские слова и кульминационные фрагменты его высказываний.

выявления источников той или иной волошинской максимы, что отнюдь не гарантирует их понимания, но может служить лишь первыми приближениями к ним. В толстовской идее непротивления, звучащей здесь явным претекстом к теме зла, прежде всего, Волошиным устранены собственно толстовские аспекты: о внешнем противодействии злу силой Волошин не говорит совсем, ни об отплате добром за зло. Он не касается и прямолинейно внешних, даже если и неопровержимых, как у В. Соловьёва, аргументов против толстовской идеи. Можно ли убить разъярённого злодея, если он нападает на беззащитную жертву? Или, по-толстовски, нужно позаботиться, как бы злодею не причинить случайно зла? Об этом рассуждали толстовские критики и сторонники. Так, Дж. Кеннаном в разговоре с Толстым о непротивлении был задан в этом ключе вопрос: стал ли бы он, великий писатель граф Л.Н. Толстой, убивать грабителя, готового убить невинную жертву, если нет никакой другой возможности спасти её? Толстой ответил, что медведю, который собирается задрать крестьянина, он бы размозжил голову топором, но он *не убил бы человека,* готового сделать то же самое [Кеннан, 1978].

В. Соловьёв был критиком радикальным и высказался однозначно: Толстой близок по духу не к Христу, но к антихристу. В связи с чем Р. Штейнер, высоко ценивший в Соловьёве его благородный христианский дух, а в Толстом – его стремление проникнуть на свой лад в самую суть христианства, заметил: «Так два человека сегодня в своих глубочайших мыслях могут думать, что они дают своему времени лучшее, могут действовать из сокровеннейших глубин души и всё-таки стоять друг перед другом без понимания, так что один является «анти» для другого!» [Штейнер, 2013: 234-235]. И далее Штейнер завершает свою мысль: христианское должно проникнуть в самую глубину душ, чтобы человеческая любовь стала чем-то совсем иным, нежели это сегодня имеет место даже у самых благородных умов.

Этот *антихристов дух* Соловьёв выразил в «Трёх разговорах»: князь, толстовец по убеждениям, стремительно, под первым предлогом, убегает при повороте общего разговора к теме антихриста – и это понятно всем собеседникам: *знает кошка, чьё мясо съела.* Здесь в пластическом жесте выказала себя особая нелюбовь толстовцев к темам мистическим, выходящим за рамки моральной проповеди, к злу как реальной, действующей в мире силе. Это бегство князя – сильный аргумент В. Соловьёва, художественный, конечно. Иное: христианство князя-толстовца показано как тем более уже ложное, что скучное.

Ещё один собеседник, генерал, говорит о том, что христианство сделали «отвратительным и смертельно скучным. Воображаю, как дьявол себе руки потирал и за живот хватался при таком успехе» [Соловьев, 2017: 51]. Убийственный аргумент, и действительно неопровержимый, против толстовского непротивления дан у Соловьёва в словах господина Z. Вы считаете, что противление злу говорит о недостаточной проникнутости духом Евангелия? – спрашивает он. – Тогда достаточно ли был проникнут духом Евангелия Христос? Очевидно, нет, Христос «не был проникнут истинным евангельским духом» [Соловьев, 2017: 24], ведь Он не смог просветить душу Иуды и первосвященников и остановить их от зла.

Все эти аргументы предстали перед Волошиным в его туркестанской ссылке (за участие в студенческом движении) в 1900 г., когда в пустынях Азии он впервые читал «Три разговора» Соловьёва и «Происхождение трагедии из духа музыки» Ницше в год смерти этих двух философов. Далее, в 1905 г. последовало его знакомство со Штейнером и слушание его лекций, обогатившее его антропософским знанием, принятым сразу и глубоко, узнанным как своё. В 1910 г. Волошин, как и всё русское общество, был вовлечён в трагическую развязку судьбы Льва Толстого, размышляет о его смерти и деле его жизни. Из проработанных в русле, данном Штейнером, ми-

ровоззренческих оснований, в которых антропософия действовала как метод познавания жизни, в этот период у Волошина написан целый ряд статей, в них не идёт речь впрямую об антропософии, но она ощущается как подоснова мысли. Так, и в статье 1910 г. «Судьба Льва Толстого», в которой сделана изумительная попытка проникновения в кармические закономерности жизни великого писателя – уже сквозь призму его смерти и сквозь его последние труды.

Все эти размышления встраиваются в собственные основы жизни Волошина, и вскоре наступит тот час истории, когда проблема зла встанет перед ним как личное задание. Она продумывается заранее и тщательно. Так, он учитывает незамеченный Соловьёвым (или не высказанный Толстым при жизни философа?) аргумент, тоже непобедимо действенный, в пользу непротивления злу, всё в том же гипотетическом случае жестокого злодея и невинной жертвы: «Если я вижу, например, что один человек намерен убить другого, то лучшее, что я могу сделать, это поставить самого себя на место убиваемого и защитить, накрыть собою человека...» [Толстой, 2013: 218-219], – пишет Толстой в «Пути жизни», а также: «Для христианина в крайнем случае лучше быть убитым, чем убийцей» [Толстой, 2013: 229]. Без этой готовности нечего было возразить на упрёк в неучёте интересов жертвы, как и было в соловьёвских «Трёх разговорах», когда господин Z предложил *считать не до двух, а до трёх,* то есть включить в рассмотрение и ту невинную жертву злодея, которую надо ведь защитить.

Характерно, что Волошин опознаёт именно в этом толстовском – близкое себе: вернувшись в Россию в 1916 г., он пишет письмо в военное министерство об отказе воевать и о готовности принять все последствия своего отказа: «Я отказываюсь быть солдатом как европеец, как художник, как поэт: как европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной и междоусобной войне, каковы бы ни были её причины… Как художник, работа которого есть созидание форм, я не могу принять участие в деле разрушения форм – и в том числе самой совершенной – храма человеческого тела. Как поэт я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово… Тот, кто убеждён, что *лучше быть убитым, чем убивать,* и что лучше быть побеждённым, чем победителем, так как поражение на физическом плане есть победа на духовном, – не может быть солдатом» [Волошин, 2011: 539-540].

Взятая здесь Волошиным толстовская позиция оказывается в ином духовном пространстве: она мотивирована у него тем, чего у Толстого не было и быть не могло, но что было основанием многих волошинских мыслей, – духовным законом зеркальности: *поражение на физическом плане есть победа на духовном.* Иное проявление того же закона: ненависть на физическом плане есть любовь на духовном. Подобные «парадоксальные» волошинские мысли рождались из закона *сверхчувственного* единства противоположностей, так что *общее чувство к жизни,* называемое обычно по его высшему проявлению, даёт целый спектр своих форм в земной жизни.

Так мотивировано у Волошина толстовское *лучше быть убитым, чем убивать:* убийство есть страшное, сокрушительное поражение человеческого духа, имеющее своим следствием глубочайшие кармические тяготы. Разумеется, его согласие с Толстым в вопросе о зле лишь во внешнем: Толстой говорил о зле войны как абсолютном, а Волошин оговаривает, с учётом соловьёвского: прав тот, кто применяет силу против зла, – и что он, Волошин, преклоняется перед святостью жертв, вызванных войной, но лично для себя считает невозможным убивать. Ибо – ещё не выговоренное волошинское в этот момент: его дело – спасение жизней.

Корень ситуации: толстовское учение было основано на прекраснодушном неверии, что зло есть реальность. Для Волошина, ученика антропософии, удостоенного жить в эпоху войны и революции, зло было предельно убедительной реаль-

ностью, выраженной им персонифицировано в цикле «Два демона» (Люцифер и Ариман) и в исторических симптомах созданной им летописи катастроф Европы и России. Основной конфликт мира Толстым был перенесён в глубь души человека («Всё, что не твоя душа, всё это не твоё дело» [Толстой, 2013: 214]), вовне он видел лишь человеческие установления, вредные и ложные, и разоблачал как зло – государство, суд, армию, войну. И характерно, что и здесь внешне Волошину созвучен Толстой:

Все преступленья создаёт закон.
Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам.
Перед преступником
Виновно государство…
[Волошин, 2004а: 36]

Но далее следует главное – из чего только и может прозвучать императивное «не противьтесь злому проникнуть в вас»: *Поймите сущность зла.* Здесь Волошин всей своей сущностью не с Толстым и Соловьёвым (их противоположные позиции были развернуты в одном плане бытия), но со Штейнером, по факту своей принадлежности к новой эпохе. Толстой не допускал противостояния злу силой, ибо что есть зло и что добро? Да и зла в сущности нет. Оно есть лишь как *недостаточное добро*. Штейнер также говорил: в сущности, зла нет. И далее: зло есть *добро не на своём месте.* При сходстве слова здесь опять же, радикально различные мысли. Но об этом позже. Прежде стоит договорить о Толстом в жизни Волошина.

Ибо, по Штейнеру, после 1914 г. Толстой уже не будет иметь никакого значения для современности. К Толстому не вернётся более и Волошин. Штейнер сказал о русском гении: у него есть страницы, где элементарным образом изложены некоторые великие теософские истины [Толстой, 2013]. Эти толстовские мысли, в оценке Штейнера порой наивные, детские, с примитивной, но ударной силой выраженные порой в немногих строках, чреватые великим будущим, преждевременно выступивших в Толстом. Впервые именно Волошиным были они переплавлены так, что их сокрытые теософские смыслы проявились. Рассудочное просветлилось в одухотворённом и стало действенным.

В частности, Толстой писал: «Судьба человека бывает такая или другая только оттого, как он в мыслях своих понимает свою жизнь» («Путь жизни», глава «Мысль», часть «Жизнь человека определяется его мыслями» [Толстой, 2013: 355]). Толстовское абстрактно-моральное: если мысли плохи, то и жизнь будет плохой, а если человек будет думать о хорошем, то и жизнь станет хорошей, так что надо управлять мыслями. И это дано у Волошина как карма мыслей. Волошин с ранней юности ощущал мысль столь же реальной, сколь слово и поступок. «Молча благословить человека во время беседы, это гораздо больше всяких слов и даже действий» [Волошин, 2011: 667]… И целый ряд иных волошинских вариаций темы можно было бы привести здесь, говорящих об осознаваемой им кармической весомости мыслей. И – конкретно в толстовской ситуации: Волошин показывает, как мыслительная позиция, отказ Толстого от противления злу, порождает его судьбу, нехорошие мысли – хорошую судьбу или наоборот, но совершенно не предусмотрено Толстым: мыслительный отказ противостоять злу словно магическим кольцом обводит мыслящего так, что он лично делается защищённым от зла.

Исходный пункт волошинской статьи «Судьба Льва Толстого» – смерть Толстого: для тех, кто знал человека через его слово, смерть говорившего не является утратой, но тем глубоко значительным событием, которое, *как последний удар резца, высекает окончательно фигуру судьбы,* угашая лик живого человека. Как он вырос по смерти! – иногда говорят о человеке. Иначе теперь звучат слова «прошедшего сквозь крещение смертью» [Волошин, 2004б: 329]. Так и смерть Толстого и обстоятельства, предшествовавшие ей, «с трагической полнотой закончили лик его судьбы» [Волошин, 2004б: 329], но не

в примирении основных противоречий жизни, а в непримиримом столкновении воли человека и воли судьбы.

Сознательная воля Толстого стремилась к жертве, к растворению в народе, к самоотдаче. Судьба вела его к благополучию и полноте земного счастья. «Это нечто ещё небывалое на земле» [Волошин, 2004б: 330], – итожит Волошин. – Новое в реестре трагических судеб: невозможность гибели при предельном стремлении к жертве. Он кидается с крыши храма, но ангелы несут его и ставят невредимым на ту же крышу, словами псалма: «Да не преткнётся о камень» [Волошин, 2004б: 331]. Он хочет раздать своё имение – но семья этому препятствует и лишает его права распоряжаться имуществом. Он хочет отказаться от всех благ его сословия, но волей жены окружен утончённым комфортом. Хочет пахать землю – выходят гигиенические упражнения. Отказывается от мяса – получает изысканную вегетарианскую кухню. Пишет против государства – его не трогают, какие бы революционные слова он ни писал.

Это тяготеющее над ним *кольцо безопасности,* проклятие защищённости он пытается прорвать в своём последнем тайном уходе из дома, чтобы исчезнуть в народе, он и умирает на неведомой станции Астапово, думая, что он скрылся, наконец, от мира. Но его уже обнаружили, следят за каждым его шагом, и по всему миру ежечасно разносятся бюллетени о состоянии его здоровья. Так излагает Волошин суть произшедшего. Поэт пытается разгадать загадку этих сложных отношений Толстого с судьбой: причина в нём самом, в его отношении к тайне зла на земле, в учении о непротивлении: не противься злому, и зло не *коснётся тебя* – таков ещё один волошинский ход, ещё одна его поправка. – Вместо …и *зло превратится в добро.*

Из толстовской посылки Волошин выводит безупречное кармическое следствие. Именно: … *И зло не коснётся тебя лично.* Это буквально произошло с Толстым, и Волошин пытается осознать этот не христианский, а чисто магический эффект от такого применения евангельских слов. Дело в одностороннем их понимании, только внешнем: «Я перестаю противиться злому вне меня, замыкаюсь в эгоистическом самоусовершенствовании и личной безопасности. Я как бы хирургически отделяю зло от себя, лишаю себя опыта земной жизни в слабостях и падениях, дающих и опыт прощения, и понимания, нарушаю христианское требование: преобразить, просветить, спасти зло – приняв в себя. Не отторгнув зло внутри себя, но собой его освятив. Эта тайна зла осталась для Толстого неведомой. Таков вывод Волошина [Волошин, 2004б].

В итоге, так внешне понятое зло и так отторгнутое, как будто из злобы отказывает Толстому в том, в чём только и можно ощутимо и болезненно Толстому отказать – в страдании гонений, в претерпевании мучений за свои убеждения, обрекая на парадоксальное мучительное страдание от отсутствия личного страдания и приговорённости к благополучию. Он пишет о смертных казнях и требует, чтобы и его посадили в тюрьму или самое лучшее – накинули намыленную петлю и *на его старческое горло*… Толстому желанна гибель за убеждения и нестерпима личная безопасность. А зло с тем большей силой действует вовне, правительственные репрессии обращаются не на него, на иных, на его сторонников. Последняя ирония судьбы: умирающий Толстой просит, чтобы не заботились о нём, *когда есть миллионы людей, о которых надо позаботиться…* А в это время весь ещё вполне кажущийся благополучным мир только и делает, что занимается его уходом, следит за сводками и заботится о ходе его болезни.

Свои отношения со злом мира, ввергнутого в катастрофу через считанные годы после ухода и смерти Толстого, Волошин выстраивал через свое *понимание сущности зла.* Встреча со Штейнером в 1905 г. завершила период его духовных поисков, далее следовало постижение полученного знания и опыта изнутри своей души и творческое преломление в своей жизни. Полгода в Дорнахе 1914 г.

со дня начала мировой войны дали ему поразительный образец стояния человека в эпицентре трагедии и труднейших борений, и через считанные же годы противление злу в русской катастрофе станет неотложным личным делом для Волошина. Здесь уже не абстрактный толстовский разъярённый злодей, бросающийся на невинную жертву, – с которым Толстому в жизни не пришлось встретиться… Удалось ли бы Толстому молитвой или иным усилием души спасти эту невинную жертву?

Контраст ситуаций демонстрирует ужас разъявшихся времён и перелома истории как истории мирового зла. Десятки тысяч невинных жертв, террор и голод в Крыму и злодеи-кровопроливцы – вот то обстояние, в котором Волошин будет решать проблему зла и его претворения ради спасения сотен жизней, красных и белых. Этот опыт русского ученика антропософии заслуживает глубокого внимания и требует проникновения в волошинское понимание сущности зла. Ибо результат его применения в жизни есть спасённые жизни – лучший аргумент в его пользу.

О ПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ. ЧАСТЬ 2: ПОСЛЕ 1914 г.

В год 1914 – *год пылающего мира,* – у Волошина открывается новая эпоха творчества: он пишет о мире, вступившем в новую полосу истории как истории мирового зла. Толстовские и вокруг толстовские разговоры, непротивление злу силой – всё это ушло окончательно в прошлое, а ведь в предыдущие годы этим было занято всё русское общество, Толстой действительно был его центральной фигурой: *Лев Николаевич сказал… Я счастлив, что живу с ним в одно время… Где-то рядом живёт Толстой, и оттого делается светлее…* Его пресловутые разъярённый злодей и невинная жертва, зло только как человеческое историческое зло и зло личное как малое добро, наконец, его Евангелие *как только нравственное учение* – всё это навсегда осталось в старом и добром русском прошлом, в том мире, где не разъялись ещё бездны, где можно было не замечать и Христа, а рассуждать по-толстовски о человеке Иисусе.

Далее невиданные прежде катастрофы Каинова пути человечества предстали перед Волошиным во всей давно жданной им неотвратимости. Предшествующие годы, проведенные в Париже и в странствиях по Европе для приятия в себя всей европейской культуры, сопровождались мотивом волошинских писем: *сейчас ещё можно быть не в России.* Но *занавес уже дрожит перед началом драмы…* Год 1915 стал созревшим моментом его возвращения в Россию – *окончательно и навсегда,* ибо именно для этого прохождения через русскую трагедию были выбраны Волошиным *час рожденья, год и царство, область и народ.*

Важнейшая к тому подготовка – Дорнах 1914 г. В самый день начала мировой войны судьба поразительным образом привела Волошина в Дорнах, куда не раз и ранее звала его Маргарита Сабашникова. Но он выехал, не подозревая об этом, буквально в последний возможный момент, и границы закрывались за ним: *«И я, как запоздалый зверь / Вступил последним вглубь ковчега»* [Волошин, 2003: 224], чтобы созерцать поразительное стояния человека в эпицентре европейской трагедии, и штейнеровский опыт противостояния злу и его понимание зла далее Волошин положил основанием в своей личной миссии противления злу в годы русской революции.

«Не противьтесь злому проникнуть в вас»: противление злу есть непротивление его проникновению в душу для преображения его внутри души. При русском и настороженном подходе к этой рискованной мысли, столь остро данной Волошиным, одной из центральных в его цикле «Путями Каина» и выраженной выверенно в каждом слове предельно ёмко, без пояснений и обоснований, прежде всего, нужно принять во внимание. Речь у поэта идёт не о субъективном, не о внутридушевном, но о макрокосмическом – и перекос понимания (всё зло – в себя) тем самым отстраняется.

Поэт в целом цикле говорит о Человеке, идущем Каиновым путём через зло мировой истории к предустановленной цели – к Вселенной свободы и любви. Масштаб мысли здесь антропософски всеобъемлющий, речь идёт именно о зле Вселенной, которое всё находится в поле ответственности человека и поставлено ему как задание: оно должно быть преображено *внутренней алхимией* – так выражает это Волошин. – Ибо, согласно Штейнеру, зло в человеческом развитии было допущено ради не бывших никогда прежде плодов. Лишь в антропософском свете может быть понята эта волошинская мысль: как претворить зло в добро – и тем самым спасти, искупить зло. Принятая и проплавленная в огне волошинского духа штейнеровская мысль звучит как *итог личного пути*. И как потенциирование до предельной выраженности того, что дано в русской духовной традиции – в монашестве, как это выражено Волошиным в модусе сближения традиционного с его собственной ключевой мыслью об *алхимии зла:*

Инок удаляется в пустыню
Не бежать греха, но, грех приняв,
На себя, собой его очистить,
Не уйти от мира, но бороться
За него лицом к лицу с врагом,
Не замкнуться, но гореть молитвой
Обо всяком зле, о всякой твари,
О зверях, о людях и о бесах.
(«Святой Серафим»
[Волошин, 2004а: 110]).

Толстой не понял сущность зла, – сказал Волошин. Толстовская идея в её негативном аспекте,– *зло нельзя победить злом*, – вошла в его цикл «Путями Каина». Очевидная сама по себе, и к главному это лишь дальний подступ: люди верят напрасно, что *можно войной убить войну и одолеть жестокостью жестокость.* Волошин через считанные годы после смерти Толстого в 1910 г. и на сломе исторических эпох, имеет дело не со злом в теории, которое Толстой усматривал вообще в государстве, в армии, в судах… Вставшее теперь зло мировой войны, революции, голода, террора – не то, о котором можно было сказать по-толстовски, что *его, в сущности, нет,* ибо *оно есть малое добро…* – это могло бы прозвучать теперь лишь злым сарказмом: зло слишком очевидно – в тиранах и палачах, в комиссарах и контрразведках, в ненависти между красными и белыми, в кровопролитии, которое стало обыденностью.

И в коловращении зла Волошин ищет способ остановить его, спасти человеческие жизни – это первая и насущная его задача в годы Гражданской войны и массовых казней. Волошин неустанно думает о том, как одолеть зло, как обратить силы зла в *чистое золото, какой комбинацией молитвы, воли, чувства* можно преобразить его внутри себя, ценой своей сгорающей жизни (в результате к 1950-ые гг. он выглядит как *старик*, так его видят со стороны и так называют не знающие его). И он обретает действенную силу для спасения человека – от толпы, белого – от красных и красного – от белых. Кто ещё из поэтов мог подобное? Кажется, ещё не подсчитаны спасённые им жизни, и ясно, что недостаточен будет подсчёт их в десятках.

Что конкретно означает при этом «проникновение» зла в душу человека? Что значит: впустить зло в себя? Можно ведь и (словами С.В. Волжина) – на старый немецкий лад подписать кровью договор. Но и фаустовский вариант – в прошлом. О своём же Волошин оставил некоторые свидетельства… Он подходит к каждому человеку, от которого зависят чужие жизни, так, чтобы не допустить кровопролития, которое ещё возможно остановить. Разумеется, не силой – но лишь обращением к человеку – без ненависти и осуждения, тем более, к злодею – с открытой для него душой. И поразительно, что это обращение есть, прежде всего, молитва, сфокусированная не на жертве. Толстой парадоксальным образом оказывается прав (как раз в том, в чём его упрекал В. Соловьёв), и теософское глубинное содержание толстовской мысли выявляется: не безвинный человек, жертва палача, оказывается в цен-

тре волошинского противления злу, но именно – свирепый палач.

Именно за того, в ком действует зло, за душу готового пролить кровь предстоит перед его Ангелом-хранителем и Божьей Матерью, перед самим Христом молитва поэта. Удивительно и то, как сходится здесь православная тональность волошинского опыта с обретённым из глубины его души антропософским пониманием мира – в борьбе за удержание человека от зла. И как ширится опыт поэта, углублённый жизненными задачами. Так, толстовское проповедуемое «любите врагов» в волошинском постижении: «Люби врагов, / Молись за палачей…» [Волошин, 2004а: 607] – повторяет и он. Но не сентиментально окрашена, не потолстовски эта любовь к врагу, которому *нужно делать добро.* Добро? Да, в своём роде… – и об этом можно сказать: *добро*. Нужно только изрядно выветрившееся слово понять в его устрашающе жизненной духовной конкретности:

Люби врагов,
Молись за палачей,
Но помни, что пылающие угли
Ты собираешь на головы им:
Любовь безжалостна,
Любовь язвит и мучит,
Любовь целит,
Любовь сжигает зло.
[Волошин, 2004а: 607]

Здесь любовь к врагу не добрая и розовая, так что злодей по-толстовски вдруг *утрачивает вкус ко злу* и становится добрым. Нимало: «У тебя чёрная душа, и страшная тяжесть лежит на ней. Кто будет молиться за тебя, если не я?» – говорит Волошин комиссару, увидевшему его на коленях перед иконой, в ответ на его вопрос («Что ты делаешь, старик?» – «Молюсь.» – «Зачем?»). *Чёрную душу* приемлет в себя душа поэта, не противясь проникновению этого зла, она выносит всю эту *страшную лежащую на ней тяжесть черноты,* проникает в неё, проживая в себе.

На исполненную зла душу человека, который *весь в крови,* – так говорит он комиссару – в этот час молитвы и в миг разговора направлена грозная и действенная духовная сила, любовь, знающая о *горящих угольях,* несомых, возжигаемых ею в судьбе кровопроливца, и о жгущей кармической тяжести пролитой крови и той, что уже готова пролиться, и чаши весов колеблются... В руках комиссара, беззвучно зашедшего в дом поэта и стоящего за его спиной, молча смотрящего в спину, – пачка бумаг, списки приговорённых [Авинова, 1964].

«...Мучимые в геенне поражаются бичом любви!» [Преподобный Исаак Сирин, 2002: 78] – говорит Исаак Сирин о том, что любовь божественная есть свет для тех, в ком свет, и мука для тех, в ком зло. Созвучно тому у Волошина: любовь как *горящие уголья для чёрной души,* к которой она обращена, она берёт на себя часть страшного груза, она целит, но и призывает страдание, и душа того, кто впервые испытывает это действие любви, откликается (не *утратой интереса ко злу,* конечно): «Я дарю тебе их», – вдруг говорит комиссар, – из списка приговорённых, право вычеркивать то или иное количество имён неведомых Волошину людей. Так через любовь, волю, молитву совершается претворение зла. Претворение зла – это не идея у Волошина (в отличие от Толстого) – это опыт.

Смог ли бы подобное Толстой? Думается, нет. Для этого нужно прокалённое душевным огнём понимание духовной природы зла, лишь оно даёт полную уверенность и готовность *так* подойти к человеку. Волошинскому опыту предшествовал долгий труд мысли, отсюда безусловная проникнутость Волошина правотой своего деяния, его духовной обоснованностью. И это осмысление было выстроено Волошиным на антропософском понимании зла: зла в сущности не существует. У Толстого за этими словами стоял лишь морализм (малое добро). Но те же слова, когда их говорит Штейнер, несут за собой развёрнутую им целую эволюцию мира. В ней зло возникает на определённом этапе разви-

тия человека как жертва высоких духов, ради эволюции мира ставших духами препятствий, сообщивших тем самым развитию мощный импульс, давших ходу истории мира не прямой, но сложный и трагедийный ход. А далее как карма этой жертвы и поволенного, в соответствии с творческой волей Бога, противостояния, отражённого в мифологеме войны на небе, – возникает то противоборство сил в самом строе мироздания, о котором говорил Штейнер и начало которого в цикле «Путями Каина» показано как мятеж:

В начале был мятеж.
Мятеж был против Бога.
И Бог был мятежом
[Волошин, 2004а: 7].

В соответствии с тем, что говорил Штейнер о космических противоборствах: они не подлежат оценке в человеческих моральных понятиях – эти волошинские мысли развернуты вне морализма (с юности ему не близкого: «Очень добродетели я не люблю»). «...*Все, что есть, началось через мятеж»,* то есть в эволюции каждый переход от одной ступени к другой – это мятеж и восстание по отношению к прежнему: *«...Каждая ступень была восстаньем творческого духа»* [Волошин, 2004а: 8]. Волошинский Бог может показаться «жестоким» с сентиментально-человеческой точки зрения, и не раз Волошин говорит о безжалостности божественной Любви. Бог есть Любовь – здесь не тёплое земное чувство:

Любовь же огнь, который
Пожрёт вселенную и переплавит плоть
[Волошин, 2004а: 36].

Этот духовный огонь нестерпим для природы человека и вверг бы его словно в пещь огненную, если бы открылся ему, он отзывается ужасом и благоговением. Бог у Волошина грозен не только, когда Он есть Суд (*«Кто ты, чтоб весить мир весами суеты / И смысл хулить моих предначертаний?»* [Волошин, 2004а: 59]. – обращается Бог к Иову, человеку), но грозен Он и в благословении:

Благословение моё как гром.
Любовь безжалостна и жжёт огнём.
Я в милосердии неумолим.
Молитвы человеческие – дым.
[Волошин, 2003: 291].

Волошинский Бог ведёт человека через преисподнюю – через низшие сферы мироздания и завещает пронести через них Свой образ и подобие. Его милость – в непомерности испытаний и предании на волю духам зла – и Он весьма близок к Богу (в «Очерке философии в самоизложении» К.А. Свасьяна) [Свасьян, 2015]. Если нужно выразить волошинские предпосылки в теме «Бог и зло», то они прозвучат не сходно с традиционным в православии пониманием Бога как абсолютного добра, а зла – как истекшего из эгоизма и себялюбия и воплощённого в дьяволе (об этом, например, обобщающее «Бог и мировое зло» Н.О. Лосского). Наилучшим образом можно выразить эти предпосылки словами ещё одного ученика антропософии в русском пространстве, с их заострённой, саркастической полемичностью, в тоне, близком волошинскому пафосу: «Странно сказать, но наиболее уязвимым местом Бога теизма, его, с позволения сказать, ахиллесовой пятой стал дьявол. Большей нелепости нельзя и вообразить. Бог не может ни без дьявола, ни с дьяволом, потому что без дьявола ему самому пришлось бы нести ответственность за зло, а с дьяволом – он хоть и весь добрый, зато бессильный.

Дьявол, придуманный как алиби Бога, стал неопровержимой уликой против Бога. Взваливая на него все чудовищные издержки и несуразицы Творения, даже не догадывались, что заставляют Творца рубить сук, на котором он сидит! <...> Теологи, ссылаясь на Писание, говорят, что Бог есть *всё. всё во всём. <...> всё,* кроме пыток, насилия, убийств, дебилизма, и уже дальше по всей шкале патологий... Но тогда пришлось бы серьёзно ограничить формулу поправкой: Бог есть всё

только хорошее во всём *только хорошем,* время от времени мелькающее и мерцающее в океане *плохого…* <…> Ещё раз: *что есть всё?* Ответ: мир. Мировое свершение, по сути, полигон, на котором Творец испытует свои возможности: быть телом и, как тело, душой. Иначе и понятнее:

– быть, как камень, нежизнью;
– как растение – жизнью;
– как животное – ощущением;
– и, наконец, как человек, осознающим и понимающим всё это.

Потому что, только становясь тем, что́ он от века уже есть, он узнает, что́ он может и на что́ способен. Для этого (мирового свершения) он и расщепляет своё изначальное духовно-физическое единство – тело как дух и дух как тело. На раздельно духовное и физическое, становясь в момент расщепления и силою Его и дьяволов, которых именно двое: тот, который *только-дух* (= Бог метафизиков), и тот, который *только-плоть* (= материя физиков). Эти обе свои потенции он и являет в Творении и *как* Творение, потому что без них (себя как дьяволов) ему пришлось бы навсегда почить в себе, как в богадельне. Но Творец познает себя не только в беловиках и удавшихся выставках, а в бесконечной массе брака и отходов, потому, что и есть брак и отходы, как не сам (действительный) Бог в мучительном процессе становления-к-себе в тварном себе же…» [Свасьян, 2015: 37-40].

И созвучно с приведенным в этой цитате волошинский Творец, который сам есть Мятеж против Себя же, берёт на себя всю тяжесть мира, Своего творения, и всю тяжесть допущенного зла, несёт её как свой Крест в ежедневности мировой истории, в развороте которой *Его* волей и под *Его* ответственность зло стало не просто препятствиями на эволюционном пути, но воистину геенским злом. Человечество, свободно идущее путями Каина, пришло к полному торжеству зла, и только Крест Голгофы – *последняя надежда бытия. Волошинский Бог есть буквально: всё во всём, и первозданный Адам в его концепции «Космоса», образ Творца, тоже всё во всём.* О нём поэт пишет:

«Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос,
Камнями костенел, зверел страстями
Он видел солнцем, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами»
[Волошин, 2004а: 44].

Распятье Бога – неимоверное страдание Бога, ставшего миром, как и распятье человеческого «Я», лежит в основе мироздания: *«Вселенский дух был распят на кресте / Исхлестанной и изъязвленной плоти»* [Волошин, 2004а: 47].

Если человек, пребывая в мире зла, вопрошает, подобно Иову: *«Зачем меня сознаньем / Ты в этой тьме кромешной озарил / И, дух живой вдохнув в меня дыханьем, / Дозволил стать рабом бездушных сил…»,* то Бог, распинаемый в нём, как и в каждой сущности мира, в ответ может сказать именно об этом: *«Я сам сошёл в тебя, как в недра гроба, / Я сам томлюсь огнём в твоей крови»* [Волошин, 2004а: 58-59], как и во всей слепой плоти мира. *Такого Бога можно уважать,* если говорить словами митрополита Антония Сурожского. Он со-распинается со всеми душами, погибающими от зла мира: *…Всё, что вы сделали одному из малых сих, вы Мне сделали (Мф., 25),* – говорит Он об этом. Он и с теми двумя демонами зла, в каждом их деянии, *всё во всём* не где-то в будущем, но во всей истории, от начала до конца. Потому Волошин мог сказать: *«В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога»* [Волошин, 2004а: 66].

Начало же мира должно вновь зазвучать в конце. *«Из чистейшей славы Божьей»* [Волошин, 2004а: 616] созидалось когда-то вещество, плоть мира. Но Сатана, — пишет Волошин, — *«исказил гниением и смертью / Божий мир; / И, земною плотью / Сам себя связав, — / Он должен / Вместе с ней спастись, или погибнуть»* [Волошин, 2004а: 621]; с плотью мира дух зла, одно из творений Бога и служащий ему дух, связан своей судьбой – стать крестом Распятия: *«…этот мир есть плоть / Страдающего Сатаны. Христос / Распят на теле Сатаны. Крест – Сатана»* [Волошин, 2004а: 423].

Искажённая плоть мира и вплавленный в неё неотрывно дух зла и должны быть спасены в конечном итоге – сжигающей Любовью, через человека. Любовью, которая есть огонь и переплавляет мир. Так, святому Серафиму волошинской поэмы Божья Матерь поручает: «Воплотись. Сожги / Плоть земли сжигающей любовью!» [Волошин, 2004а: 101]. В выверенных волошинских строках дано итоговое понимание преодоления зла:

Мир знает не одно, а два грехопаденья:
Грехопаденье ангелов и человека.
Но человек спасён Голгофой. Сатана же
Спасенья ждёт во тьме. И Сатана спасётся.
То, что для человека сотворил Христос,
То каждый человек свершит для Дьявола.
В мире дело идёт не о спасеньи человека,
А о спасеньи Дьявола
[Волошин, 2004а: 423].

Это возможно, ибо между добром и злом нет – в мысли Волошина, – онтологической бездны, именно потому противостояние злу есть труд в сфере претворения форм – превращения зла в добро, той *алхимией*, практические пути которой Волошин искал и обретал в своих потрясающих жизненных опытах. В свой высший час жизни, *на дне Преисподней,* и в нижней точке земной истории Волошин пишет: *«Я делал то, что делал все эти годы безумия: мешал людям истреблять друг друга. Был в самом центре – во рву львином. И всё же несколько десятков жизней удалось отстоять».* Он добавляет далее в этом письме 1922 г. к Е.И. Васильевой, которая была одним из видных деятелей антропософского движения в России (за что и была сослана и жила свои последние годы в Средней Азии): *«Практические приложения оккультного опыта были поразительны».* На этом текст письма обрывается [Волошин, 2013: 487], как будто то, что он мог бы сказать ей в беседе, не решился доверить бумаге.

Но ещё в письмах далёким друзьям: *«Времена террора провёл все время лицом к лицу с истребителями, живя с ними в одной квартире. Тут-то и понял всю силу молитвы (когда молишься не за жертву, а за палачей), как она на глазах может преображать человека. И как слабы те, что проливают кровь. Та зима – одно непрерывное чудо»* [Волошин, 2013: 666], Е.Я. Эфрон). *Во рву львином,* в год 1921, самый страшный год красного террора, он делает вывод на будущее: преодоление большевизма в России возможно *«изнутри и работой с ними»* (большевиками) [Волошин, 2013: 305]. Волошин раскрывает, как именно было возможно то спасение многих людей, которого он добивался, – именно изнутри и работой с ними, палачами: *«Чем человек более жесток и более обагрён кровью, тем легче с ним иметь дело, если подходишь к нему без злобы, без страха и осуждения. Проливаемая кровь смягчает волю, делает её пластичной как воск, подчиняющимся чужой воле почти как под гипнозом. Я это проверил многократно в столкновениях с самыми страшными начальниками – Контрразведок и Чрезвычаек, когда приходилось отстаивать чужие жизни»* [Волошин, 2013: 337].

Адресату письма, ненавидевшему большевиков, Волошин говорит об отношении к красным *без злобы и осуждения,* объясняя успех своей борьбы и равное отношение к человеку, принадлежит ли он к той или другой из борющихся сторон. Но в стихах своих он выражает мысль до конца, формулируя итоговую цель человека в макрокосмическом развороте мысли, высказывая невероятное: *«Любите Дьявола. Одной любовью / Спасётся мир»* [Волошин, 2004а: 423]. Не только в своём спасении миссия человека на земле, но через него – должно быть искуплено все творение, вся плоть мира, наконец, и Дух зла. Мысль Волошина здесь подходит к труднейшему пункту в русле православия: лишь немногие отцы церкви, как, например, св. Григорий Нисский, говорили (вслед за Оригеном) о возможности конечного спасения дьявола и демонов… но не о *любви* же к ним.

При том, что в русском духовном пространстве органична мысль о *спасении всех:* невозможны райские блаженства, пока есть ад. Её развивали Достоевский,

Федоров, Соловьёв, вслед за ними – ряд мыслителей русской эмиграции. Волошин расширяет любовь к ближнему как к каждому, к злодею и разбойнику, также – к духам зла в итоге. Допустимо это на том же основании, волошинском – на проживании несомого ими, духами зла, страдания, вообще тёмной боли земного вещества. Так Волошин говорит по-своему (в набросках к «Святому Серафиму») об апокатастасисе, включая в предельно расширенную задачу спасения всю плоть мира, «…чтоб не сгинул ни единый / Ком пронзенной духом глины» [Волошин, 2004а: 100]: *«Ни одна частица / Не должна погибнуть и погаснуть.* / Божий Сын был распят на кресте / Человеческого тела / И Голгофой выкуплен Адам / У жадной плоти. / Человек же должен плоть расплавить / И спасти Архангела – Денницу / От смертельных вязей вещества» [Волошин, 2004а: 616-617].

«Не противьтесь злому проникнуть в вас» – эта волошинская заповедь на весь дальнейший ход земной истории – звучит в соединении с мыслью о *сжигающей любви:* именно любовью, жгущим огнём духа, внутри души может быть сожжено то зло, которое человек призван взять в себя. В грехе и зле сокрыт непросветлённый огонь любви, и труд его просветления есть дело человека. *«Где нет греха, там торжествует Дьявол»* [Волошин, 2004а: 423]. В ином стихотворении: *«И грех, и страсть – цветенье, а не зло»* [Волошин, 2004а: 37]. В остро парадоксальной форме, вопреки обычному: где грех, там дьявол, даёт Волошин свой гнозис зла – изумительную истину: *«…Во всём гореньи противоречий, / Несовместимых для человечьей / Стеснённой мысли»* [Волошин, 2003: 235] … Ею невозможно пренебречь, несмотря на её явную принадлежность к theologia heterodoxa: в её пользу говорит весь опыт волошинских борений и побед в революционном аду.

В заключение об одном из ликов зла XX в. Когда Рудольф Штейнер описывал *людей Зората* [Штейнер, 2013] (одного из самых могущественных ариманических демонов), которые явятся в будущем, к концу второго тысячелетия, и будут выделяться даже внешне своим звериным ликом, яростью ко всему духовному, свирепостью и страстью к разрушениям, он упомянул о том, что это в своих зачатках выражено «в современном большевизме» [Штейнер, 2013: 303]. Выступления демонов Зората в России, по его мнению, были страшнее, чем мировая война. Они описаны Волошиным в цикле «Личины»: «Зверь зверем. С крученкой во рту. / За поясом два пистолета» [Волошин, 2003: 322]; «Широколиц, скуласт, угрюм, / Голос осиплый, тяжкодум, / В кармане – браунинг и напилок, / Взгляд мутный, как у дворняг, / Фуражка с лентою «Варяг», / Сдвинутая на затылок» [Волошин, 2003: 320]. Волошин был первым, кто не только понял, с кем он имеет дело, но и кто нашёл путь противления воплощенному в этих *чёрных душах* злу. Таков волошинский урок на ближайшие столетия, которые он предвидел как эпоху невиданно ширящегося в новых обличьях зла.

Список литературы:

Авинова М. Встреча с М. Волошиным // Новое Русское Слово. 1964. 8 марта.

Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926. М.: Эллис-Лак, 2003. 606 с.

Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891 – 1931. М.: Эллис-Лак, 2004а. 766 с.

Волошин М.А. Судьба Льва Толстого // Собрание сочинений. Т. 6. Книга 1. Проза 1906 - 1916. М.: Эллис-Лак, 2004б. С. 328-335.

Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1913–1917. М.: Эллис-Лак, 2011. 830 с.

Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 12. Письма 1918–1924. М.: Эллис-Лак, 2013. 990 с.

Кеннан Дж. В гостях у графа Толстого // Лев Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. С. 364-380.

Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. 511 с.

Свасьян К.А. Очерк философии в самоизложении. М.: ИОИ, 2015. 238 с.

Соловьев В.С. Три разговора. М.: Православная художественная литература, 2017. 89 с.

Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 2013. 527 с.

Штейнер Р. О России: из лекций разных лет. СПб.: Ключи, 2013. 463 с.

Об авторе:

Кошемчук Татьяна Александровна – д.филол.н., профессор кафедры лингвистики и культуры речи юридического факультета Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 196601, г. Пушкин, Ленинградское шосссе, д. 2; преподаватель Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199155, г. Санкт-Петербург, пер. Каховского д.9. Научная специализация – английский язык в сфере юриспруденции, русский язык, русская литература в её философских аспектах и её религиозные корни. E-mail: koshemchukt@mail.ru.

«DON'T OPPOSE THE EVIL TO GET INTO YOU …» (ABOUT NONRESISTANCE TO THE EVIL BY FORCE: TOLSTOY, SOLOVJEV, VOLOSHIN, STEINER)

T.A. Koshemchuk

Abstracts. *The article deals with the theory of the evil in life and creativity of M. Voloshin. His position is analyzed in connection with Tolstoy's nonresistance to the evil as the result of its reconsideration and in connection with criticism of nonresistance by V. Solovyov. It is shown that Voloshin's position is defined by its creative development of R. Steiner's concept of world history. His personality had the defining influence on development of Voloshin's position in the years of revolution - as protection of the person against the crowd, whether it is red or white. Voloshin's approach to the person inspired by the evil for the sake of saving of lives is investigated – as it is reflected in his verses, articles and letters. Actions of the poet were based on his taking the evil in world history as real, operating in the world force. According to Steiner, the spirits of the evil were initially spirits of obstacles for the sake of human development, but during history as a result of karmic regularities became the real evil, and rescue of the evil lies in the field of responsibility of the Man. From here the main Voloshin's idea – which is taken out in the title of the article – is about acceptance of the evil into the soul and of its transformation into the good. Possibility of this transformation is defined by a lack of ontologic division between the evil and the good. Creativity of the person thereby appears in the field of realization of forms. This Voloshin's position became a basis of his vital activity during the period of revolution and terror – in saving of human lives.*

Key words. *M. Voloshin, the good and the evil, L. Tolstoy, V. Solovyov, R. Steiner, anthroposophy, nonresistance to the evil, fight against the evil, Russian revolution, transformation of the evil.*

References:

Avinova M.,1964. Vstrecha s M. Voloshinyim [Meeting with M. Voloshin]. *Novoe Russkoe Slovo - New Russian Word,* 1964. March 8 (In Russian).

Voloshin M.A. *Sobranie sochineniy. T. 1. Stihotvoreniya i poemyi 1899-1926* [Collected works. Vol.1. Poems and poems 1899-1926]. Moscow, Ellis-Lak, 2003. 606 p. (In Russian).

Voloshin M.A. 2004. *Sobranie sochineniy. T. 2. Stihotvoreniya i poemyi 1891-1931* [Collected works. Vol. 2. Poems and poems 1891-1931]. Moscow, Ellis-Lak, 2004a. 766 p. (In Russian).

Voloshin M.A. *Sudba Lva Tolstogo* [The Fate of Leo Tolstoy]. Sobranie sochineniy. T. 6. Kniga 1.Proza 1906-1916 [Collected works. Vol.6. Book 1. Prose 1906 - 1916. Moscow: Ellis-Lak, 20046. C. 328-335.]. Moscow, Ellis-Lak, 2004. pp. 328 – 335 (In Russian).

Voloshin M.A. *Sobranie sochineniy. T. 10. Pisma 1913-1917* [Collected works. Vol. 10. Letters 1913-1917]. Moscow, Ellis-Lak, 2011. 830 p.

Voloshin M.A. *Sobranie sochineniy. T. 12. Pisma 1918-1924* [Collected works. Vol. 10. Letters 1918-1924]. Moscow, Ellis-Lak, 2011. 990 p. (In Russian).

Kennan Dj. V gostyah u grafa Tolstogo [Visiting earl Tolstoy]. *Lev Tolstoy v vospominaniyah sovremennikov v 2 t. T. 1* [Leo Tolstoy in the memoirs of contemporaries in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Fiction, 1978. pp. 364-380 (In Russian).

Prepodobnyiy Isaak Sirin. *Slova podvijnicheskie* [Ascetic Words]. Moscow, Publishing house of Sretensky monastery, 2002. 511 p. (In Russian).

Svasyan K.A. *Ocherk filosofii v samoizlojenii* [Essay of philosophy in self-statement]. Moscow, IOI. 2015. 238 p. (In Russian).

Solovyev V.S. *Tri razgovora* [The Three conversations]. Moscow, Orthodox fiction, 2017. 89 p. (In Russian).

Tolstoy L.N. *Put jizni* [The way of life]. Moscow, Higher school, 2013. 527 p.

Shteyner R. O *Rossii: iz lektsiy raznyih let* [About Russia: from lectures of different years]. Saint-Petersburg, Keys, 2013. 463 p. (In Russian).

About the Author:

Tatyana A. Koshemchuk – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Culture of Speech of the Law Faculty, St. Petersburg State Agrarian University.196601, Pushkin, Leningrad shosse 2, Russia;Teacher of the Academic gymnasium of St. Petersburg State University.199155, St. Petersburg, Kakhovsky Lane, 9, Russia.Scientific Specialization–English in the Field of Jurisprudence, Russian Language, Russian Literature in its Philosophical Aspects and its Religious Roots. E-mail:koshemchukt@mail.ru.